ЭСТЕТИЧЕСКАЯ И ПРОБЛЕМНАЯ ОРИЕНТАЦИЯ СТРИТ-АРТА В ВОСПРИЯТИИ ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ЕКАТЕРИНБУРГА)

У. С. Швиндт

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

Аннотация: Стрит-арт представляет собой глобальный социально-культурный феномен, который является неотъемлемой частью многих современных городов. Несмотря на многообразие характерных для феномена признаков, для настоящего исследования наибольшее значение представляет такая его особенность, как сочетание эстетической и содержательной составляющих. Исследователи отмечают, что стрит-арт является одновременно как средством эстетизации и гуманизации городского пространства, так и инструментом трансляции важных общественных проблем и выражения протеста автора-художника посредством своих произведений. Автор статьи на примере уличного искусства г. Екатеринбурга выявляет, как данные две составляющие стрит-арта воспринимаются местным населением. При этом уточняется, что Екатеринбург представляет собой уникальный кейс российского и мирового уличного искусства, что обусловливается активным развитием в городе различных сопряженных со стрит-артом практик и участием в них местного населения. Эмпирические данные, представленные в статье, основаны, во-первых, на результатах онлайн-опроса жителей Екатеринбурга, а во-вторых, на материале проведенной серии интервью с экспертами по вопросам локального уличного искусства. Предпринимается попытка сопоставить данные, отражающие восприятие феномена обычным населением и сообществом экспертов. Автор статьи приходит к выводу, что у экспертов в восприятии стрит-арта как феномена в целом доминируют представления, отражающие проблемную сторону феномена, а у обычных жителей — представления, связанные с эстетической компонентой. Та же тенденция прослеживается и при анализе восприятия стрит-арта Екатеринбурга: если эксперты описывают его как злободневное и актуальное, вообще не выделяя эстетическую сторону, то простые жители больше отмечают его декоративную функцию. Наконец, наиболее острые политические проблемы, поднимаемые в работах местного стрит-арта, также отмечаются жителями как наименее важные, что свидетельствует о довольно низкой ценности для

населения Екатеринбурга одного из важнейших структурных элементов символического капитала феномена — служить средством протеста и отражения политической повестки.

Ключевые слова: стрит-арт, город, городское пространство, уличное искусство Екатеринбурга, эстетическая составляющая стрит-арта, проблемная составляющая стрит-арта.

Для цитирования: Швиндт У. С. Эстетическая и проблемная ориентация стрит-арта в восприятии городского населения (на примере Екатеринбурга) // Koinon. 2021. Т. 2. № 1. С. 100–115. DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005

AN AESTHETIC AND PROBLEM-PLAGUED ORIENTATION OF STREET ART IN THE PERCEPTION OF THE URBAN POPULATION (ON THE EXAMPLE OF YEKATERINBURG)

U. S. Shvindt

Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia

Abstract: Street art is a global socio-cultural phenomenon and an integral part of many present-day cities. Despite the variety of characteristics of this phenomenon, such a feature as a combination of esthetic and problem-plagued components is significant for this study. Researchers note that street art is both a means to aestheticize and humanize urban space and a tool to translate urgent social problems and express the protest of the artist through his/her works. On the example of Yekaterinburg street art, the author reveals how the local population perceives these two components of street art. The paper specifies that Yekaterinburg is a unique case of Russian and world street art. It is due to the active development of various practices associated with street art and the participation of the local population in them. Both the results of an online survey with Yekaterinburg residents and the material of a series of interviews with experts on local street art provided the empirical data presented in the article. An author attempts to compare data reflecting the perception of the phenomenon by ordinary residents and the community of experts. The author concludes that in the experts' perceptions of street art, the problem-plagued side of the phenomenon dominate, whereas in city residents' perceptions aesthetic component is of greater importance. The analysis of the perceptions of Yekaterinburg street art also indicates the same trend: If experts describe it as topical and relevant, completely ignoring its aesthetic component, then ordinary residents note its decorative function to a greater extent. Finally, residents note the most acute political problems raised by the works of local street art as being the least important. It indicates quite a low value of one of the essential

structural elements of the symbolic capital of street art — to be a means of protest and reflect the political agenda – for the Yekaterinburg population.

Keywords: street art, city, city space, Yekaterinburg street art, aesthetic component of street art, problem-plagued component of street art.

For citation: Shvindt, U. S. (2021), “An Aesthetical and Problem-Plagued Orientation of Street Art in Perceiving the Urban Population (on the Example of Yekaterinburg)”, *Koinon*, vol. 2, no. 1, pp. 100–115 (in Russian). DOI: 10.15826/koinon.2021.02.1.005

Один из основоположников социологии повседневности Анри Лефевр утверждал: «Пространство содержит в себе вещи, однако само не является вещью, материальным “объектом”. Является ли оно изменчивой “средой”, просто абстракцией, “чистой” формой? Нет. У него есть содержание. Прежде всего, это пространство подразумевает, содержит и скрывает в себе *социальные отношения*» [Лефевр 2015]. Пространство, в том числе городское, представляет собой продукт производства и воспроизводства социальных отношений, а его повседневность конституируют три взаимосвязанных элемента (так называемая «триада Лефевра»): пространственную практику (или воспринимаемое пространство), репрезентации пространства (или задуманное пространство) и пространства репрезентации (или переживаемое пространство).

Пространственная практика относится к маршрутам и сетям, бесчисленным городским потокам и практикам мобильности, которые создают некоторое «секретное» пространство» [Kindynis 2018]. «Секретное» означает в данном случае «свое», то есть относящееся к определенной группе людей. Задуманное пространство – пространство ученых, планировщиков, урбанистов, «кроящих» и «организующих» технократов, всех тех, кто занимает господствующую позицию по отношению к простым жителям города. Наконец, пространства репрезентации — это пространства «жителей», «пользователей». Это пространство подчиненное и претерпеваемое, что обусловлено тем, что оно находится во власти репрезентаций пространства. Социальность городского пространства подразумевает и то, что оно репрезентирует множественные ситуации конфликта, когда происходят столкновения прав на город разных категорий городского населения, преследующих собственные потребности и интересы.

Важный глобальный социально-культурный феномен современного пространства множества городов — стрит-арт (или уличное искусство¹) — представляет собой вид актуального искусства, одной из основных черт которого, помимо прочего, выступает строгая пространственная контекстуальность, «вписанность» в городскую среду и ориентация на взаимодействие

¹ В настоящей работе понятия используются как тождественные и взаимозаменяемые.

с окружающими объектами городской инфраструктуры. Несмотря на «терминологическую запутанность», связанную с понятием стрит-арта, исследователи феномена одинаково видят «список» основных его особенностей, в который, помимо упомянутой пространственной ориентации, входят: санкционирование произведений со стороны самого художника (если же согласование происходит с рядом различных городских институций, то речь идет о таком понятии, как паблик-арт); ориентация на коммуникацию с массовой широкой городской аудиторией (в отличие от граффити, как правило, адресуемых самим же членам субкультуры); «партизанский», протестный характер, обращение к политическим, социальным, философским сюжетам, освещение общественно важных проблем; эфемерность существования; относительная анонимность авторов работ [Blanché 2015].

Протестный характер представляет собой фундаментальную особенность стрит-арта, лежащую в истоках зарождения феномена; он же обладает капиталом по продуцированию потенциально конфликтных ситуаций, причиной которых выступает вышеупомянутое столкновение прав на город разных городских акторов. Уличный художник, создавая свое произведение, бросает вызов установленному архитекторами, планировщиками и градостроителями порядку — репрезентациям пространства. Это происходит, во-первых, потому, что, как правило, он не согласовывает свои действия с властью и свободно переинтерпретирует пространство в соответствии со своим образом в сознании, а во-вторых, потому, что сами произведения уличного искусства часто имеют острополитический и остросоциальный характер, нередко обличают власть или другие общественные институции и их политику. Другими словами, пространственные практики уличных художников всегда сталкиваются и вступают в конфронтацию с доминирующими представлениями о городе. Таким образом, протест уличного художника реализуется на нескольких уровнях системы взаимодействия категорий городского населения.

Многие исследователи отмечают, что стрит-арт представляет собой форму «эстетического протеста», способ подрыва традиционной визуальной культуры города посредством стихийного, свободного творчества художника [Armstrong 2006]. В работах Е. Г. Трубиной [Trubina 2018], В. А. Кузнецовой [Кузнецова 2014], М. Г. Чистяковой [Чистякова 2011], Ю. А. Кузовенковой [Кузовенкова 2015], Н. А. Архиповой [Архипова 2016], А. А. Ильиной, В. А. Борзунова [Ильина, Борзунов 2016], М. Цилимпуниди [Tsilimpounidi 2015], А. Балдини [Baldini 2015], С. Бачарач [Bacharach 2018], К. Дебрас [Debras 2019] и др. уличное искусство понимается как способ, посредством которого уличный художник, как радикальный оппозиционер, преобразует мир своим стремлением донести нечто важное, пролить свет на волнующие его проблемы и «болезни общества» и в том числе оспорить их в своих произведениях. Исследователь А. М. Лернер описывает исконную природу стрит-арта и граффити:

«Художники, создающие (политические) граффити, угрожают существующей цензуре, поскольку их анонимность позволяет им поднимать такие темы, которые не могут затрагивать представители иных медиа без риска столкнуться с негативными последствиями» [Lerner 2019, p. 6]. В этом заключается главный символический капитал уличного искусства.

Актуальный характер стрит-арта, его способность поднимать важные общественные темы репрезентируют его как часть современного концептуального искусства, поднимают важный вопрос о соотношении проблемной, содержательной стороны уличного искусства и его эстетической составляющей. Зачастую данное соотношение приобретает полярный характер: в том случае, когда произведение транслирует актуальную общественно важную проблему, оно лишается капитала, заключающегося в эстетизации городской среды. То же самое характерно и для произведений, выполняющих декоративную функцию: нередко в них отсутствует проблемный код. Практика функционирования института уличного искусства показывает, что когда художник делает акцент на актуальной проблеме в своей работе, чтобы сделать свое послание максимально емким и понятным зрителю, он, как правило, отказывается от сложных технических и эстетических приемов.

Крайне важную роль в вопросе основной ориентации уличного искусства — проблемной или эстетической — играет функция стрит-арт-объекта в каждом отдельном случае. К примеру, в сфере уличного искусства распространены кейсы, когда муниципалитет города обращается к произведениям как к инструменту гуманизации отдельных городских районов (преимущественно спальных), которые, как правило, расположены ближе к периферии и представляют собой довольно мрачные, в первую очередь с точки зрения человеческого комфорта, зоны с однотипной застройкой. В качестве примера можно привести один из спальных районов Рима Tor Marancia, в котором за короткий срок было создано около 20 муралей разного содержания. Район визуально выделяется по сравнению с окружающим пространством. Понятно, что в данном случае произведения, транслирующие общественно-политическую повестку, были бы абсолютно контекстуально неуместны, в том числе по причине санкционирования данной практики городскими властями. В тех же случаях, когда уличный художник стремится высказаться по волнующим его отдельным общественным вопросам, он, как правило, уводит эстетическую составляющую своего произведения на второй, менее важный план. Одним из примеров подобной ориентации уличного искусства, имеющей массовый характер, является современное движение «Партизанинг», созданное на стыке уличного искусства и общественной деятельности. В своем манифесте активисты движения заявляют, что они пытаются своей деятельностью отразить и популяризировать идею свободного высказывания или действия, направленного на переосмысление и перестройку городской среды и общества в целом

[Партизанинг 2020]. «Партизаны» создают на улицах города небольшие стрит-арт-объекты (социального, политического и др. содержания), выкладывают их изображения в Интернет, а также организуют обсуждения и дискуссии с населением.

В уличной среде Екатеринбурга — уникальном кейсе-примере функционирования института стрит-арта² — присутствуют как произведения, ориентированные на «отвоевание» пространства, поднимающие важные проблемы, так и работы, преимущественно выступающие средством эстетизации городской среды, представляющие собой красивое/милое/декоративное изображение и в меньшей степени являющиеся формой социального протеста. Для городского пространства Екатеринбурга, таким образом, характерно большое разнообразие обеих разновидностей работ стрит-арта — как проблемных, содержательных, так и выполняющих исключительно декоративную функцию. Несмотря на данный факт, уличный художник Стас Багс ранжирует эти составляющие по степени их отражения в произведениях стрит-арта Екатеринбурга. Он отмечает, что местный стрит-арт, начиная с фестиваля «Стенография»³, в большей степени — о красоте, а уже потом — про интервенции в городскую среду [Шахов, Янг 2020], про злободневность и актуальную повестку.

«Проблемный» полюс уличного искусства в Екатеринбурге прежде всего представлен произведениями таких художников, как Тимофей Радя, Слава ПТРК, Илья Мозги и команда «Злые», а также деятельностью не санкционированного городскими властями фестиваля стрит-арта «Карт-бланш». В целом следует отметить, что в Екатеринбурге довольно много политизированного стрит-арта: это, например, работы, посвященные кейсу «Сквер наш», когда население активно выходило на митинги против строительства храма в одной из центральных зеленых зон, надписи «НЕТПУТИНАЗАД», «Бесконечных двадцать лет мы с надеждой ждем балет», «Стреляй царей, вали заборы!» и пр. Некоторые подобные произведения существуют несколько недель, а другие — не больше суток. Так, весной 2019 г. активисты «Бессрочного протеста» установили в двух центральных точках города фальшивые «надгробия» Путину [Возле администрации 2019]. Памятники сопровождалась надписями «Деспот. Фашист. Убийца. Вор. В “рай” вне очереди» и «Народ не забудет.

² Специфика стрит-арта Екатеринбурга обусловлена в первую очередь колоссальным интересом местного населения к данной художественной практике, наличием пяти различных по формату и особенностям организации фестивалей уличного искусства (среди них «Стенография», «Карт-бланш», «Не темно», «Паблик-арт» и «ЧО»), развитием разнообразных сопряженных практик — экскурсий по объектам, лекций и семинаров по теме, активным освещением разных произведений стрит-арта местными СМИ и сообществами в социальных сетях и пр.

³ «Стенография» — всероссийский фестиваль уличного искусства, основной площадкой которого является Екатеринбург. Подробнее фестиваль будет рассмотрен далее в работе.

Народ не простит». Оба арт-объекта в течение получаса были уничтожены, а участники акции были подвергнуты административному взысканию.

В эстетическую же составляющую местного стрит-арта в первую очередь «вносит вклад» деятельность фестиваля «Стенография». Фестиваль ежегодно проходит с 2010 г., и основной его площадкой является Екатеринбург; он активно освещается городскими и российскими СМИ (а некоторые работы даже попадали в мировую медиаповестку), обсуждается пользователями в социальных сетях, включает в себя целое многообразие дополнительных проектов и практик. Как правило, художники фестиваля работают с крупными формами — муралами, представляющими собой высокохудожественные монументальные полотна, часто реализуемые на фасадах целых зданий. Таким образом, чаще всего объекты, которые создаются в рамках фестиваля, лишены проблемного кода: в крайнем случае, они транслируют философские «вечные» вопросы, но никогда не касаются острой социальной и тем более политической повестки.

Эксперты в области уличного искусства Екатеринбурга⁴ особенно отмечают его партизанский характер, направленный на освещение актуальных общественных проблем локального и глобального характера. Так, например, экскурсовод по произведениям стрит-арта Екатеринбурга Ирина Костерина считает, что «в Екатеринбурге много работ с информационной повесткой <...> актуализированной. Уличное искусство в Екатеринбурге поднимает постоянно актуальные проблемы. Постоянно в СМИ (в lifestyle-СМИ типа “The Village”, “It’s my city”) пишут: “Появилось вот такое вот граффити”. И там, через два дня, этого граффити уже нет». Дарья Костина, арт-директор галереи современного искусства «Синара-арт», отмечает, что екатеринбургское «уличное искусство нередко работает с такими достаточно яркими болевыми точками. Достаточно вспомнить объект Славы ПТРК в прошлом году в сквере с надписью “В правде сила” и много других вещей, связанных с политическим контекстом в стране». То же самое выделяет и промышленный дизайнер Илья: «В Екатеринбурге стрит-арт очень включен. Включен в дух времени, конкретно отражает запросы общества — со сквером, например. Это очень злободневные попытки высказаться».

Проблема соотношения эстетической и смысловой составляющих уличного искусства в восприятии экспертов разрешается следующим образом: по мнению большинства из них, очень важно, когда художник поднимает своей работой какой-то общественно важный вопрос; однако те работы, которые лишены

⁴ Здесь и далее в тексте работы цитаты приводятся на основе серии экспертных интервью с разными специалистами по стрит-арту Екатеринбурга. Всего нами было проведено восемь интервью в течение июля 2020 г. Все эксперты, с которыми состоялись интервью, проживают в Екатеринбурге, и поэтому в процессе нашей беседы преимущественно ссылались на конкретные примеры и кейсы екатеринбургского уличного искусства.

содержательного кода, а выполняют исключительно декоративную функцию, также не могут быть лишены статуса стрит-арта. Иными словами, по мнению экспертов, транслирование проблемного кода в стрит-арте является важным и желательным, но не обязательным. При этом крайние позиции экспертов охватывают их полярные утверждения. Так, Анна Клец, куратор фестиваля «Стенография», «защищает» эстетическую функцию стрит-арта, что, безусловно, объясняется соответствующей ориентацией данного фестиваля: *«Художники, которые рисуют, они не обязаны вшивать туда глубочайший смысл, потому что в категорию искусства входят и простые декоративные вещи»*. Напротив, Дарья Костина отмечает: *«Конечно, всегда хотелось бы там прочесть какую-то идею. То есть совсем безыдейные какие-то декоративные вещи, да, пожалуй, я к искусству не отношу. Это больше сфера дизайна городского»*.

Эксперты характеризуют уличное искусство Екатеринбурга в первую очередь в таких определениях, как многослойное, самобытное, смелое, думающее, злободневное, «включенное», актуальное и остросоциальное. Позиция информантов акцентирует внимание именно на проблемной составляющей местного стрит-арта: все представленные определения отражают его способность транслировать важные проблемы и выражать протестные настроения. Напротив, ни одно определение не подчеркивает эстетическую составляющую стрит-арта, его декоративную функцию, заключающуюся в украшении окружающего пространства.

Мы видим, что представители экспертного сообщества высоко оценивают содержательную составляющую уличного искусства в целом и считают, что местный стрит-арт поднимает актуальную проблематику и транслирует злободневные темы. В связи с этим возникает вопрос: а как рядовое население определяет обе стороны уличного искусства — содержательную и эстетическую — и какая из них, по их мнению, преобладает в кейсе Екатеринбурга? Ответ на данные вопросы тем более имеет значение, поскольку стрит-арт представляет собой массовый вид современного искусства, ориентированный на всех без исключения городских жителей и предполагающий максимальный коммуникативный охват в масштабе любого отдельно взятого прохожего.

Результаты проведенного онлайн-опроса⁵ жителей Екатеринбурга демонстрируют весьма любопытную тенденцию. В отличие от экспертов,

⁵ Результаты опроса нерепрезентативны. Стихийность выборки обусловлена публикацией опроса в пабликах и сообществах, посвященных культурной жизни Екатеринбурга, в социальных сетях: «ВКонтакте», Facebook, Instagram, «Одноклассники» и Telegram. Кроме того, чтобы охватить тех, кто не прошел опрос по ссылке в группах, была осуществлена рассылка личных сообщений некоторым их участникам. Всего объем выборки составил 1 604 человека, все — жители Екатеринбурга. Опрос был проведен в период с апреля по июнь 2020 г.

большинство (58,3 %⁶) опрошенных жителей ответили, что стрит-арт в первую очередь представляет собой украшение городской среды. 37,3 % респондентов указали, что стрит-арт является способом самовыражения художника, его творческим порывом. При этом лишь треть (29,6 %) опрошенных отметили, что стрит-арт представляет собой инструмент привлечения внимания к важным проблемам. Таким образом, эстетический фактор восприятия произведений городским населением является преобладающим, тогда как содержательный находится на третьем месте.

Несмотря на приведенные данные, когда респондентам в опросе было предложено выбрать, что для них важнее в произведениях уличного искусства — визуальная составляющая и эстетичность или смысловая нагрузка, — подавляющее большинство (69,9 %) отметило ценность и того и другого фактора в совокупности. Несмотря на отмеченную ранее важность для местного населения декоративной функции стрит-арта, оно признает и его проблемную ориентацию: лучше всего, когда объекты транслируют смысловой код, но при этом не лишены эстетики.

Как и в случае экспертных интервью, одна из задач опроса заключалась не только в выявлении особенностей восприятия населением стрит-арта в целом, но и непосредственно стрит-арта Екатеринбурга и преобладающей там составляющей — эстетической или содержательной. Респондентам (при использовании метода полярных профилей) было предложено оценить местный стрит-арт по нескольким предложенным признакам, относящимся к разным аспектам феномена. По их мнению, стрит-арт Екатеринбурга преимущественно можно описать следующим образом: красивый, яркий, служит украшением городской среды, уникальный, сложный и виртуозный в исполнении, душевный, транслирует активную позицию автора-художника, нужный и полезный. Средние значения по тем признакам, которые относятся к эстетической/содержательной стороне феномена, демонстрируют важную тенденцию: эстетическую составляющую екатеринбургского стрит-арта жители ставят несколько выше содержательной, проблемной. Помимо прочего, это выражается в том, что такие дихотомические характеристики, как «серьезный/легкомысленный» и «глубокий/поверхностный», воспроизводят скорее нейтральную ситуацию. Жители не склонны оценивать местный стрит-арт как исключительно серьезный и/или глубокий. Вместе с тем такие дихотомии, как «красивый/уродливый» и «яркий/блеклый», репрезентируют более однозначную ситуацию: для подавляющего большинства респондентов характерна позитивная направленность в восприятии местного стрит-арта по данным (эстетическим) признакам.

⁶ Процент указан от числа опрошенных (1 604 чел.). Сумма ответов составляет 3 016, поскольку каждый респондент мог дать до двух ответов на данный вопрос.

Проведенный кластерный анализ по каждой группе признаков, отдельно относящихся к эстетической и содержательной сторонам стрит-арта, воспроизводит следующую ситуацию. Что касается эстетической стороны, то большинство опрошенных, составляющих кластер 1, считает местный стрит-арт эстетически привлекательным, о чем свидетельствуют показатели по четырем признакам, входящим в данную группу (рис. 1).

*Указаны средние значения: 1 — это явное преобладание первой характеристики в дихотомии, 5 — явное преобладание второй характеристики. Поскольку в каждой из представленных дихотомий «негативный» признак стоит первым, а «позитивный» — вторым, то чем больше средний показатель, тем выше с точки зрения его присутствия в местном стрит-арте респонденты оценивают каждый из эстетических признаков

** Кластер 1 составляют 46 % опрошенных; кластер 2 — 36,2 % опрошенных; кластер 3 — 17,9 % опрошенных

Рис. 1. Кластеры населения Екатеринбурга, сформированные на основе восприятия эстетической составляющей местного уличного искусства

Fig. 1. Clusters of Yekaterinburg population that show different perceptions of the local street art's aesthetic component

Напротив, тех, кто указал, что местный стрит-арт практически лишен характеристик, связанных с декоративной функцией по гуманизации пространства, и технически сложных с художественной точки зрения произведений, меньшинство — всего 17,9 % респондентов, составляющих кластер 3. При этом респонденты кластера 2, хоть и репрезентируют «среднее положение дел», также, как видно из диаграммы, оценивают эстетическую сторону местного стрит-арта ближе к позитивной, в достаточной степени представленной в городском пространстве. Об этом свидетельствуют средние значения в данном кластере, которые больше «стремятся» ко второй, позитивной характеристике в дихотомиях.

Что касается содержательной стороны стрит-арта Екатеринбурга, то и тут большинство жителей в целом определяет местное уличное искусство в таких понятиях, как серьезное, глубокое, активное с точки зрения участия

в городских событиях и полезное (рис. 2). Даже средние значения кластера 2, который составляет большинство опрошенных, «стремятся» к позитивным характеристикам в дихотомиях. Также мы видим, что население практически однозначно оценивает местное уличное искусство как полезное и занимающее активную общественную позицию в городских событиях.

* Указаны средние значения: 1 — это явное преобладание первой характеристики в дихотомии, 5 — явное преобладание второй характеристики. Поскольку во всех дихотомиях (кроме «пассивная... сторона/активный участник...») «позитивный» признак стоит первым, а «негативный» — вторым, то чем меньше средний показатель, тем более высоко с точки зрения его присутствия в местном стрит-арте респонденты оценивают каждый из признаков

** Кластер 1 составляют 31,4 % опрошенных; кластер 2 — 40,7 % опрошенных; кластер 3 — 27,9 % опрошенных

Рис. 2. Кластеры населения Екатеринбурга, сформированные на основе восприятия проблемной составляющей местного уличного искусства

Fig. 2. Clusters of Yekaterinburg population that show different perceptions of the street art's ability to raise significant problems

Данные двух диаграмм показывают, что жители видят в местном стрит-арте одновременно две важные функции, которые мы анализируем в настоящей работе. По их мнению, локальный стрит-арт можно одновременно назвать украшением городской среды, средством эстетизации пространства и инструментом выражения протеста и транслирования значимых общественных проблем. В городском пространстве Екатеринбурга представлено множество произведений, выполняющих и ту и другую функцию. Однако если сравнивать данные по двум диаграммам, то мы видим, что эстетическая компонента в некоторой степени преобладает над содержательной. Об этом свидетельствует общее количество респондентов в кластерах и их распределение. В первом случае подавляющее большинство респондентов составляют кластер 1 и 2; во втором случае — кластер 2, тогда как число опрошенных в 1-м и 3-м кластерах примерно равное. Хотя, как уже было отмечено, кластер 2 отражает скорее «позитивное» восприятие признаков. Таким образом, можно говорить о преобладании эстетической составляющей над содержательной в местном стрит-арте в глазах городского населения.

Отдельное значение в концептуальной составляющей феномена имеет способность некоторых произведений обращаться к городским властям, таким образом поднимая вопросы политического характера. Среди опрошенных только 10,8 % отметили интерес к политической повестке в работах стрит-арта, ответив, что «на месте уличного художника выбрали бы для своих работ политическую тематику». Большинство же (36,4 %) отметило проблемы философского характера (заставляющие задуматься «о вечном» вопросы), как наиболее важные и интересующие их в уличном искусстве. При этом на вопрос о том, какие проблемы, преимущественно, чаще всего поднимаются произведениями уличного искусства в Екатеринбурге, 16,5 % ответили: политические. По данному показателю вновь преобладают философские проблемы: по мнению 23,7 % опрошенных, именно философская тематика доминирует в работах местного уличного искусства.

Таким образом, данные о политической проблематике в произведениях местного стрит-арта показывают, что доля тех, кто считает политические темы важными и актуальными, меньше доли тех, кто считает их достаточно распространенными в местном стрит-арте. Действительно, в сообществе образ Екатеринбурга с точки зрения особенностей стрит-арта сочетает в себе такие черты, как злободневность и нередко провокативность, как правило граничащие с политизированностью. Данная особенность местного уличного искусства была отмечена и некоторыми экспертами. Не все горожане принимают политические работы; в целом мы, скорее, наблюдаем тенденцию, что местное население более позитивно оценивает работы, направленные на гуманистическое и эстетическое взаимодействие с городской средой (политические же работы чаще выполнены в виде емкого, лаконичного текста или небольших схематичных изображений, как правило в трафаретной технике, чтобы сократить время на создание объекта), освещение философских, «вечных» вопросов и юмор, способность вызвать улыбку и поднять настроение.

Один из экспертов нашего исследования, уличная художница Алина, противопоставляя две разновидности уличного искусства — с одной стороны, «работы в лоб», обладающие конкретикой и не вызывающие желания размышлять, задумываться, а также не воздействующие на чувства и эмоции зрителя, и, с другой стороны, «работы, затрагивающие твой чувственный орган, вызывающие у тебя какие-то воспоминания, переживания, какие-то новые мысли», — работы политического характера относит к первому типу. В качестве примера информантка приводит одну из злободневных работ Екатеринбурга «Кирилл-копилка» художника Славы ПТРК, которая из-за своего содержания была немедленно уничтожена (рис. 3).

Алина пояснила, почему подобные политизированные работы нравятся ей меньше работ, относящихся ко второму типу, и, как показывает общая тенденция, данную позицию разделяют многие респонденты — обычное

Рис. 3. Слава ПТРК. Кирилл-копилка.
Екатеринбург, 2010.

Источник: [Slava PTRK 2010]

Fig. 3. Slava PTRK. Street art object
«Kirill-moneybox».

The source: [Slava PTRK 2010]

городское население: «Ну, то есть тут очевидная работа, она очень в лоб, прямо вообще думать не надо. И чувств она вызывает меньше. И как бы в первом случае романтика и ностальгия, а тут больше агрессия. Я меньше про агрессию, ну или про “все плохо, там, они козлы”. Вот я меньше про такое. Я думаю, что такие работы все равно обязаны быть, и это круто, что они есть на улице, круто говорить на такие темы. Просто я сама такие темы не хочу транслировать, и мне меньше интересно об этом разговаривать».

Таким образом, результаты проведенного исследования восприятия двух основных составляющих уличного искусства — эстетической и содержательной — позволяют сделать следующие выводы. Было выявлено, что восприятие экспертов в области уличного искусства отличается от восприятия рядовых городских жителей. Если первые более высоко

оценивают содержательную сторону стрит-арта, то вторые, преимущественно, видят в нем инструмент украшения городской среды и декорирования пространства. То же характерно и для восприятия уличного искусства Екатеринбурга: если эксперты описывают его как злободневное и актуальное, вообще не выделяя эстетическую компоненту, то простые жители отмечают, что признаки, относящиеся к эстетической стороне феномена, представлены в местном стрит-арте несколько больше, чем те признаки, которые позволяют говорить о феномене как о способе выражения протеста и транслирования важных проблем. Наконец, отдельное внимание эксперты обращают на политическую ориентацию произведений местного стрит-арта, их направленность на взаимодействие с городскими властями. Этот «блок» проблем важен, поскольку он отражает протестную, оппозиционную направленность феномена. Население Екатеринбурга скорее не заинтересовано в политической проблематике местного стрит-арта. Явная политизированность и злободневность «отпугивают» жителей и кажутся слишком агрессивными. Вместо этого большую ценность представляют произведения, направленные на гуманистическое и эстетическое взаимодействие с городской средой, освещение «вечных» вопросов, содержащие юмор и вызывающие улыбку.

Список литературы

- Архипова 2016 – *Архипова Н. А.* Восприятие граффити в городском пространстве – китч или искусство? // Гуманитарные основания социального прогресса: Россия и современность : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф., 25–27 апреля 2016 г., Москва / под ред. В. С. Белгородского [и др.] : в 8 ч. Ч. 2. М. : Московский государственный университет дизайна и технологии, 2016. С. 30–35.
- Возле администрации 2019 — Возле администрации Екатеринбурга и станции метро поставили «надгробие» Владимира Путина [Электронный ресурс] // 66.ru: современный портал Екатеринбурга. 21.04.2019. URL: <https://66.ru/news/incident/221179/> (дата обращения: 20.01.2021).
- Ильина, Борзунов 2016 — *Ильина А. А., Борзунов В. А.* Стрит-арт как проявление свободы личности: сравнительный анализ России и Европы // Актуальные вопросы социологической науки: теория, методология, практика : материалы ежегодной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 24 сентября 2016 г., Москва / под ред. Н. П. Нарбута, Т. И. Лариной. М. : РУДН, 2016. С. 143–147.
- Кузнецова 2014 — *Кузнецова В. А.* Стрит-арт как форма выражения политического и социального протеста в современной Бразилии // Древняя и Новая Романия. 2014. № 13. С. 601–614.
- Кузовенкова 2015 — *Кузовенкова Ю. А.* Право на город: практики легитимации граффити и стрит-арта // Культура и цивилизация. 2015. № 4–5. С. 31–46.
- Лефевр 2015 — *Лефевр А.* Производство пространства / пер. с фр. И. Стаф. М. : Strelka Press, 2015. 630 с.
- Партизанинг 2020 — Партизанинг. Партизанские городские перепланировщики [Электронный ресурс] : сайт. URL: <http://partizaning.org/> (дата обращения: 28.01.2021).
- Чистякова 2011 — *Чистякова М. Г.* Стрит-арт в контексте вызовов современности // Известия АлтГУ. 2011. № 2–1 (70). С. 210–213.
- Шахов, Янг 2020 — *Шахов А., Янг А.* Стас Багс и интимный стрит-арт Санкт-Петербурга [Электронный ресурс] // Росстритартнадзор. 19.08.2020. URL: <https://rosstreetartnadzor.libsyn.com/pkca347ip728> (дата обращения: 02.10.2020).
- Armstrong 2006 — *Armstrong J.* The Contested Gallery: Street Art, Ethnography and the Search for Urban Understandings // *AmeriQuests*. 2006. No. 2 (1). DOI: 10.15695/amqst.v2i1.46.
- Bacharach 2018 — *Bacharach S.* Finding Your Voice in the Streets: Street Art and Epistemic Injustice // *The Monist*. 2018. No. 101 (1). P. 31–43. DOI: 10.1093/monist/onx033.
- Baldini 2015 — *Baldini A.* An Urban Carnival on the City Walls: The Visual Representation of Financial Power in European Street Art // *Journal of Visual Culture*. 2015. No. 14 (2). P. 246–252. DOI: 10.1177/1470412915592883.
- Blanché 2015 — *Blanché U.* Street Art and Related Terms — Discussion and Attempt of a Definition // *Street & Urban Creativity. Scientific Journal*. 2015. Vol. 1. No. 1. P. 32–40.
- Debras 2019 — *Debras C.* Political Graffiti in May 2018 at Nanterre University: A Linguistic Ethnographic Analysis // *Discourse & Society*. 2019. No. 30 (5). P. 441–464. DOI: 10.1177/0957926519855788.
- Kindynis 2018 — *Kindynis T.* Bomb Alert: Graffiti Writing and Urban Space in London // *British Journal of Criminology*. 2018. No. 58 (3). P. 511–528. DOI: 10.1093/bjc/azx040.
- Lerner 2019 — *Lerner A. M.* The Co-optation of Dissent in Hybrid States: Post-Soviet Graffiti in Moscow // *Comparative Political Studies*. 2019. P. 1–29. DOI: 10.1177/0010414019879949.
- Slava PTRK 2010 — *Kirill-moneybox* [Electronic resource] // Slava PTRK. URL: <http://slavaptrk.art/projects/outdoors/kirillkopilka> (access date: 02.10.2020).
- Trubina 2018 — *Trubina E. G.* Street Art in Non-Capital Urban Centres: Between Exploiting Commercial Appeal and Expressing Social Concerns // *Cultural Studies*. 2018. No. 32 (5). P. 676–703. DOI: 10.1080/09502386.2018.1429002.
- Tsilimpounidi 2015 — *Tsilimpounidi M.* «If These Walls Could Talk»: Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis // *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. 2015. No. 7 (2). P. 71–91.

References

- “A ‘gravestone’ of Vladimir Putin was erected near the Yekaterinburg administration and the metro station” (2019), *66.ru, sovremennyy portal Ekaterinburga*, 21 April, available at: <https://66.ru/news/incident/221179/> (accessed 20 January 2021) (in Russian).
- Arkhipova, N. A. (2016), “Perception of Graffiti in the City Space – Kitsch or Art?”, in Belgorodskii, V. S., Kashcheev, O. V., Zotov, V. V. and Antonenko, I. V. (eds), *Gumanitarnye osnovaniya sotsial'nogo progressa: Rossiya i sovremennost', sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii, 25–27 aprelya 2016, Moskva* [Humanitarian Foundations of Social Progress: Russia and Modernity, Proc. of the International Conference, Moscow, Russia, 25–27 April 2016], MSUDT, Moscow, pp. 30–35 (in Russian).
- Armstrong, J. (2006), “The Contested Gallery: Street Art, Ethnography and the Search for Urban Understandings”, *AmeriQuests*, no. 2 (1). DOI: 10.15695/amqst.v2i1.46.
- Bacharach, S. (2018), “Finding Your Voice in the Streets: Street Art and Epistemic Injustice”, *The Monist*, no. 101 (1), pp. 31–43. DOI: 10.1093/monist/onx033.
- Baldini, A. (2015), “An Urban Carnival on the City Walls: The Visual Representation of Financial Power in European Street Art”, *Journal of Visual Culture*, no. 14 (2), pp. 246–252. DOI: 10.1177/1470412915592883.
- Blanché, U. (2015), “Street Art and Related Terms — Discussion and Attempt of a Definition”, *Street & Urban Creativity. Scientific Journal*, no. 1 (1), pp. 32–40.
- Chistyakova, M. G. (2011), “Street-Art in the Context of the Challenges Posed by Modernity”, *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2-1 (70), pp. 210–213 (in Russian).
- Debras, C. (2019), “Political Graffiti in May 2018 at Nanterre University: A Linguistic Ethnographic Analysis”, *Discourse & Society*, no. 30 (5), pp. 441–464. DOI: 10.1177/0957926519855788.
- Il'ina, A. A. and Borzunov, V. A. (2016), “Street Art as a Manifestation of Personal Freedom: a Comparative Analysis of Russia and Europe”, in Narbut, N. P. and Larina, T. I. (eds), *Aktual'nye voprosy sotsiologicheskoi nauki: teoriya, metodologiya, praktika, sbornik nauchnykh statei i materialov mezhdunarodnoi konferentsii, 24 sentyabrya 2016, Moskva* [Topical Issues of Sociological Science: Theory, Methodology, Practice, Proc. of the International Conference, Moscow, Russia, 24 September 2016], RUDN, Moscow, pp. 143–147 (in Russian).
- Kindynis, T. (2018), “Bomb Alert: Graffiti Writing and Urban Space in London”, *British Journal of Criminology*, no. 58 (3), pp. 511–528. DOI: 10.1093/bjc/azx040.
- “Kirill-moneybox” (2010), *Slava PTRK*, available at: <http://slavaptrk.art/projects/outdoors/kirillkopilka> (accessed 02 October 2020).
- Kuznetsova, V. A. (2014), “Street Art as a Form of Expression of Political and Social Protest in Modern Brazil”, *Drevnyaya i Novaya Romaniya*, no. 13, pp. 601–614 (in Russian).
- Kuzovenkova, Yu. A. (2015), “The ‘Right to The City’: The Practices of Legitimation of Graffiti and Street Art”, *Kul'tura i tsivilizatsiya*, no. 4–5, pp. 31–46 (in Russian).
- Lefevr, A. (2015), *La production de l'espace*, translated by Staf, I., Strelka Press, Moscow, 630 p. (in Russian).
- Lerner, A. M. (2019), “The Co-optation of Dissent in Hybrid States: Post-Soviet Graffiti in Moscow”, *Comparative Political Studies*, pp. 1–29. DOI: 10.1177/0010414019879949.
- Partizaning. *Partizanskies gorodskie pereplanirovshchiki* [Partizaning. Participatory urban replanning] (2020), available at: <http://partizaning.org/> (accessed 28 January 2021) (in Russian).
- Shakhov, A. and Yang, A. (2020), “Stas Bugs and the Intimate Street Art of St. Petersburg”, *Rosstritartnadzor*, 19 August, available at: <https://rosstreetartnadzor.libsyn.com/pkca347ip728> (accessed 02 October 2020) (in Russian).
- Trubina, E. G. (2018), “Street Art in Non-Capital Urban Centres: Between Exploiting Commercial Appeal and Expressing Social Concerns”, *Cultural Studies*, no. 32 (5), pp. 676–703. DOI: 10.1080/09502386.2018.1429002.

Tsilimpounidi, M. (2015), “‘If These Walls Could Talk’: Street Art and Urban Belonging in the Athens of Crisis”, *Laboratorium: Russian Review of Social Research*, no. 7 (2), pp. 71–91.

Рукопись поступила в редакцию / Received: 12.03.2021

Принята к публикации / Accepted: 17.04.2021

Информация об авторе

Швиндт Ульяна Сергеевна
аспирант
Уральский федеральный университет
620083, Россия, Екатеринбург,
пр. Ленина, 51
E-mail: uliana_s@list.ru
Авторский ORCID: 0000-0003-1076-1383

Information about author

Shvindt, Uliana Sergeevna
Postgraduate Student
Ural Federal University
51 Lenin St., Yekaterinburg,
620083 Russia
E-mail: uliana_s@list.ru
Author's ORCID: 0000-0003-1076-1383